

не только от свойств этой единицы, но и от языковой компетенции носителей языка.

Литература

Алефиренко, Н Ф Этноязыковое кодирование смысла и культуры / Н.Ф. Алефиренко // Филология и культура: сб материалов 111-й Междунар. науч. конф., Ч.2, Тамбов, 2001. С.82 – 84.

Бабкин, А М Проблемы фразеологии / А.М. Бабкин. М.: Наука, 1979. 295 с.

Виноградов, В В Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Гуревич, П С Культурология: учеб. пособие / П.С.Гуревич. М.: Знание, 1996. 288 с.

Крысин, Л П Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: «Языки русской культуры». 2000. С. 384–408.

Телия, В Н Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.

Summary. The cognitive interpretation of phrase-building discloses the mechanisms of the language modeling of the world. There are two categories in its basis:

1) the motivation indication as the symbol of the denotative field acquired and pragmatically defined by the native speakers, 2) the inner form of the motivation as means of explication of the language categorized content. Both categories are defined by the character of the national picture of the world and the relations between the elements of the semantic system.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ ОБМАНЩИКА И ЖЕРТВЫ ОБМАНА В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

И.Э. Федюнина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный университет
fedyunina@bsu.edu.ru

Данная статья посвящена рассмотрению образов обманщика и жертвы обмана как фрагментов концепта «Обман», представленных фразеологическими единицами (ФЕ) русского, английского и немецкого языков (РЯ, АЯ, и НЯ).

Актуальность исследования концепта определяется его ролью в жизни человека: с позиций когнитивной науки, познание и есть процесс порождения и трансформации концептов. Важными для нашей работы представляются следующие свойства концепта: частичная вербализуемость, динамичность, способность к самоорганизации, национально-культурная специфика и тесная связь с другими концептами. Имеющаяся в сознании человека система концептов образует концептуальную картину мира. Язык же служит средством ее «схватывания» и объективации: в результате мы получаем языковую картину мира (ЯКМ). «...Язык непосредственно этот

мир не отражает, он отражает лишь способ концептуализации этого мира...» (Воркачев С.Г., 2003: 269). Но вместе с тем язык является орудием познания, «...способным самостоятельно анализировать познаваемые объекты и выражать их признаки, свойства, и отношения» (Алефиренко Н.Ф., 2005: 88). В таком ракурсе концепт является и основой, и элементом ЯКМ. ЯКМ носителей разных культур имеют как общие черты, так и различия, обусловленные особенностями социального устройства и культурно-исторического развития народа. Выявить их помогают сопоставительные исследования, важность которых очевидна: знания и учет особенностей мировосприятия представителей разных народов необходимы для полноценного диалога культур.

Концепт «Обман» представляет в этом плане особый интерес. Во-первых, он возникает, реализуется и развивается только в человеческом общении. Во-вторых, этот концепт вовлекает множество противоречивых оценок и эмоций. Кроме того, из-за различий в восприятии, переживании и оценке обмана между представителями разных культур часто возникают недопонимание и конфликты.

Оптимальным языковым средством раскрытия концепта «обман» нам видятся ФЕ. Каковы наиболее ценные, с точки зрения исследования концепта, свойства ФЕ? Прежде всего, на наш взгляд, это их «повышенная познавательная ценность» (Жуков В.П., 2006: 31), которая вытекает из специфики фразеологического значения, обладающего такими характеристиками, как лингвокреативность, яркая образность, реализующаяся посредством внутренней формы; динамизм, способность к самоорганизации и огромный коннотативный потенциал. Существенным видится и то, что образность ФЕ «...носит не индивидуальный, а социально закрепленный характер...» (Жуков В.П., 2006: 261), помогая выявить фоновые знания и особенности мировидения носителей языка. Большую роль играет их прагматическая функция – создание иллюзивного эффекта, определенного чувства-отношения реципиента к описываемому человеку или действию. И наконец, важным свойством «обманных» ФЕ является их способность к бифуркации значения: попадая в контекст и взаимодействуя с ним, ФЕ «подстраивается» под речевую интенцию и ситуацию общения, до определенной степени изменяя свою семантику. В результате одна и та же ФЕ «отсылает» нас к разным концептам.

Нами были выделены несколько семантических групп ФЕ, репрезентирующих следующие сферы концептуального поля обмана: «дезинформация», «клевета», «двуличие», «лесть» и т.д. Но в данной статье мы рассмотрим концепт «обман» как коммуникативную ситуацию, участниками которой всегда являются обманщик и потенциальная жертва. При этом последняя – отнюдь не пассивный объект воздействия: ее позиция оказывает значительное влияние на развитие ситуации.

Анализ ФЕ, репрезентирующих образ жертвы обмана, выявил три основных образа, в которых она предстает.

Образ «жертва-добыча» репрезентируют ФЕ попасться на крючок, (РЯ), *to jump at the bait* (АЯ), *an die Falle gehen* (НЯ) и др. ФЕ этой семантической группы сходны как в плане содержания, так и в плане выражения – они близки по образу-основе, построены по общей синтаксической модели глагольных словосочетаний и, как правило, несут негативную коннотацию. Иллокутивный эффект, создаваемый «унизительным» образом, чаще всего еще усиливается контекстом; происходит отсылка к концептам «глупость», «слабость», «пассивность» и т.п.

◆ Не хватай пустой крючок, будь журналистом, а не слезливой бабой! (Леонов Н., 1998: 233).

◆ But it may be that I am underestimating the alacrity of human folly in rising to the bait (АРФС, 1984: 61).

В эту группу входят также ФЕ, образованные по модели субстантивного словосочетания (*a spring chicken* (АЯ), *ein neugeborenes Kind, ein junger Hund* (НЯ) и др.) Лексическое наполнение и вполне прозрачная внутренняя форма этих ФЕ отсылают нас к концептам «наивность», «неопытность», имплицитно доступность такой «добычи» для умелого «охотника», в образе которого и предстает обманщик.

Образ «жертва-орудие, объект использования» представлен ФЕ *дойная корова, пешка в чьей-л. игре* (РЯ), *a blind instrument* (АЯ), *eine melkende Kuh* (НЯ) и т.д., которые очень близки к ФЕ первой группы: являются продуктом метафорического переосмысления, обладают прозрачной внутренней формой и построены по модели субстантивных словосочетаний.

Эти семантические группы представляют жертву легкодоступную. Она редко вызывает сочувствие. Четко прослеживается тенденция: обманывают лишь того, кто позволяет себя обмануть. Наиболее ярко эта установка видна в НЯ: в словарных статьях и контекстах многие ФЕ употребляются с оборотом *sich (...) lassen* – «позволить себя (обмануть)»◆ Aber Klaus, *lass dich doch nicht aufs Glatteis führen!* (НРФС, 1975: 224).

Пожалуй, самым интересным является третий образ жертвы обмана – «жертва-контрагент и потенциальный обманщик». Он представлен особой группой ФЕ, являющих человека опытного, проницательного, закаленного жизнью, хитрого, недоверчивого. Ситуация обмана из легкой для обманщика охоты превращается в опасную игру и даже войну против сильного противника, и исход ее становится непредсказуемым. Сюда входят метафоры и сравнения – *тертый калач*, (РЯ), *an old soldier, as cunning as a fox* (АЯ), а также глагольные сочетания *видеть на аршин под землей* (РЯ), *gone through the mill* (АЯ), *das Gras wachsen hören* (НЯ) и др. Именно в этой группе мы сталкиваемся с высокой степенью бифуркации значения ФЕ, его ситуативности, зависимости от контекста и флуктуации оценки. Иными словами, ФЕ данного ряда проявляют себя как самонастраивающаяся система. Можно предположить, что бифуркацию их значения предопределяет внутренняя форма, или образ-основа – ведь диапазон применения имплицитных качеств характера очень широк. Проиллюстрируем это на примерах ФЕ *an old soldier* (АЯ), *das Gras wachsen hören* (НЯ), *стреляный воробей* (РЯ).

◆ You won't deceive him easily; he's *an old soldier*. (CIDI, 1998: 362) ◆ Don't let him weedle money out of you with pitiful stories. He is *an old soldier* in that sort of things (АРФС, 1984: 701).

◆ Wie hast du erraten, dass es ein Schwindel war? Du *hörst Gras wachse* (Konsalik, 1984: 175).

◆ Aber dieser Schwitzke konnte *das Gras wachsen hören*: mit sechstem Sinn erspürte er, was seinem Vorgesetzten eine Herzenangelegenheit war (НРФС, 1975: 232).

◆ -*Стреляный воробей* этот бывший полицейский! Такого на мякине не проведешь (ФСРЯ, 1988:78).

◆ -Он? Исправляется? Не слыхал, чтобы такие как он *стреляные воробьи* исправлялись.

Очевидно, что в первых примерах каждой пары проницательность, знание людей, развитая интуиция используются для защиты от обмана или для его разоблачения, что вызывает уважение; здесь, как видится, осуществляется корреляция с концептами «мудрость», «сила» и т.п. Вторые же ситуации выявляют их применение с целью обмана других людей для получения легких денег, карьерных выгод и т.п.; осуществляется корреляция с концептами «хитрость», «предательство», «опасность»; характерные чувства-отношения здесь – неодобрение, презрение, недоверие, опасение.

Итак, взаимодействуя с контекстом и приспособляясь к конкретной коммуникативной ситуации, коннотативный компонент ФЕ данной группы не только передает «пропорцию» качеств характера, но и кодирует своего рода прогноз, тенденцию – как описываемый человек применит качества, передаваемые денотативным компонентом, в какой ситуации это может произойти и как это будет воспринято и оценено.

Результаты анализа ФЕ, репрезентирующих образы обманщика и жертвы обмана, позволяют сделать следующие выводы. Количественная доля русских ФЕ в соответствующем фрагменте ЯКМ несколько меньше, чем в АЯ и НЯ, но они обладают большей лексико-грамматической вариативностью. ФЕ первых двух групп проявляют высокую степень межъязыковой эквивалентности, что указывает на общность культурного фона и ассоциативных связей носителей трех языков, но у носителей НЯ образ пассивной, легко поддающейся обману жертвы вызывает более резкое неодобрение. Для ФЕ, представляющих жертву-контрагента и потенциально-го обманщика, характерны «двойственность» образа-основы и, как следствие, флуктуация оценки и тенденция к бифуркации значения, которые чаще и ярче проявляются в РЯ. Эти ФЕ проявляют межъязыковые расхождения в плане внутренней формы и смысловых оттенков значения, отражая особенности восприятия и менталитета носителей языка. В целом, как представляется, способность исследованных нами ФЕ служить средством корреляции концепта «обман» с другими концептами заслуживает особого внимания и помогает раскрыть своеобразие обмана как психического феномена и явления человеческой коммуникации.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: моногр. / Н.Ф. Алефиренко. М.: Гнозис, 2005. 326 с.

Воркачев, С.Г. Культурный концепт и значение / С.Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 17. Вып.2. Краснодар, 2003. С. 268-276.

Жуков, В.П. Русская фразеология: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / В.П. Жуков, А.В. Жуков. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.

Леонов, Н.И. Смерть в прямом эфире: Роман. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. 416 с.

Konsalik, H.G. Schicksal aus zwiter Hand / H.G. Konsalik. Berlin: Goldmann Verlag, 1984. 313 S.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь (АРФС) / Лит. ред. М.Д.Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М: Рус.яз., 1984. 944 с.

Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь (НРФС). Изд-е 2-е., испр. и доп. М.: Рус.яз., 1975. 656 с

Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь (РАФС). М.: Рус.яз., 1998. 704 с.

Фразеологический словарь русского языка (ФСРЯ) / Сост. Л.А. Войнова, В.П.Жуков, А.И.Молотков, А.И.Федоров. Под ред. А.И.Мологкова. М., 1986. 544 с.

Cambridge International Dictionary of Idioms (CIDI). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 587 p.

Summary. The article deals with images of a deceiver and a victim of deception as the constituents of concept "Deception" represented by idioms. Concept "Deception" is examined as a semantic field and a communicative situation. Traits in common and peculiarities of its perception by Russian, English and German authentic speakers are revealed. The idioms are examined as a means of correlation between concept "Deception" and other concepts.

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КОНТРАСТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Т.А. Чубур

Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный
педагогический университет
tanyachubur@box.vsi.ru

Контрастивная фразеология, как и контрастивная лингвистика в целом, изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами их передачи в изучаемом языке. Цель контрастивного исследования – сопоставительное изучение межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий.

Материалом для нашего исследования было выбрано лексико-фразеологическое поле «Незанятость трудовой деятельностью» в русском и английском языках. Ключевым словом, вербализующим исследуемое понятие, в русском языке оказалось слово *отдых*. Оно антонимично выражению *трудовая деятельность*, широко употребительно в русском языке, обладает широкими смысловыми связями в лексической системе языка, в том числе обширной синонимией в лексике и фразеологии. Таким образом, для определения совокупности лексических и фразеологических единиц,